

Anthony Giddens

BEYOND LEFT AND RIGHT

Polity Press, 1994

Основная мысль данной книги заключается в том, что структурные смещения современности делают некогда актуальные политические идентичности устаревшими и требующими пересмотра. Такое переопределение политических программ и платформ не может быть осуществлено с опорой на старый политический словарь, поэтому Гидденс стремится также предложить новую терминологию, способную отразить смысл происходящих трансформаций политики.

С опорой на предыдущие работы Гидденс выделяет три главные оси, определяющие структурные изменения модернити, — глобализацию, детрадиционализацию и рефлексивизацию. Глобализацию ошибочно было бы понимать исключительно лишь в экономических терминах, акцент скорее следует делать на преобразованиях, захвативших пространство и время. «Я определяю глобализацию как действие на расстоянии и соотношу её интенсификацию за последние несколько лет с появлением средств мгновенной глобальной коммуникации и массового перемещения» (с. 4). В результате исчезновения пространства как буферной зоны, отделяющей различные локальности друг от друга, исчезает сама возможность наивного традиционализма, не задающего вопросов о легитимации общественных положений. Именно это имеется в виду под детрадионализацией. Посттрадиционное общество означает не общество без традиций, но такое общество, в котором традиции меняют свой статус: «В контексте глобализирующегося, космополитического порядка традиции постоянно вступают в контакт друг с другом и принуждены “объявлять сами себя” (to declare themselves)» (с. 83). В современном мире традиции не могут защищаться традиционными путями; там, где это происходит, есть смысл говорить о феномене фундаментализма. Традиция может оставаться действенной, если только она рефлексивно легитимирована. В связи с этим и встаёт вопрос о рефлексивизации современной социальной жизни. Рефлексивность — это то, что всегда отличало проект модерна, но до сих пор она была связана большей частью с рефлексивным принятием или отвержением более-менее устойчивых образов действия. В современной же ситуации речь идёт о том, что рефлексивность принуждает нас не только выбирать, но и определять, что же именно мы выбираем. С этим связано исчезновение не только традиций в их обычном понимании, но и «природы», как тех условий человеческой активности, которые являются независи-

мыми от действий человека. Именно в этом и состоит различие между простым и рефлексивным модерном.

Отмеченные структурные изменения современности затронули, во-первых, все версии консерватизма. Последний следует подразделять на старый консерватизм, философский консерватизм, неоконсерватизм и неолиберализм. Общим пунктом для всех этих программ является то убеждение, что «мир оставляет ни с чем наши попытки подчинить его всеохватной власти человеческого разума – вот почему мы так часто должны полагаться на традицию» (с. 41). Исходя из этого становится понятным, что ключевым понятием для консерватизма является понятие традиции. Но само истолкование традиции и та роль, которая отводится ей в организации социальной жизни, довольно сильно различаются в перечисленных версиях. Достаточно будет сказать, что если старый, классический, консерватизм защищал традицию как знаковое средство упорядочивания социальных связей в *ancien régime*, то философский консерватизм, представленный в первую очередь трудами Майкла Оукшотта (Michael Oakeshott), стремится не столько к сохранению *определённых* традиций, сколько к реабилитации *традиции* как средства ориентирования в истории в противовес наивному рационализму. Здесь же пролегает и разделительная черта между неоконсерватизмом и неолиберализмом. Обе эти программы стремятся придать свободным рынкам ведущую роль в современном обществе, но неоконсерватизм ценит экономический рост как условие роста стабильности в обществе. Неолиберализм же, скорее, использует традиции как инструмент, позволяющий оградить рынок от любых форм контроля со стороны государства и любого другого органа администрирования. Очевидно, что ни одна из этих программ не может продолжать действовать в современных условиях без серьёзного пересмотра. Главная их проблема – опора на традицию как на само собой разумеющееся понятие. В мире же, отмеченном рефлексивной модернизацией, это совершенно невозможно. Единственное преимущество здесь у философского консерватизма, который ввиду своей критики «технического» разума имеет определённые сходства с идеями позднего Витгенштейна и Гадамера.

Далее, точно так же требует пересмотра и социалистическая программа. Она отличается разнообразием меньшим, чем в случае с консерватизмом, но и здесь можно выделить определённый инвариант. Он заключается в пересечении двух представлений: о кибернетической модели общества и возможности централизованного управления обществом. Исторически эта точка пересечения несколько десятилетий воплощалась в феномене «государства всеобщего благосостояния». Кибернетическая модель общества означает, что мы можем определить вероятность тех или иных состояний общества, а следовательно, можем применить конкретные меры по устранению негативных моментов или уменьшению их интенсивности, равно как и поддержать те процессы, которые оцениваются позитивно. Централизация административной власти представляет собой тот способ, которым такие программы предполагалось реализовывать. «Государство

всеобщего благосостояния» служит в данном случае ярким примером совместного действия данных принципов: оно, во-первых, стремилось к более равномерному распределению материальных благ, во-вторых, такое перераспределение осуществлялось на государственном уровне посредством фискальной политики.

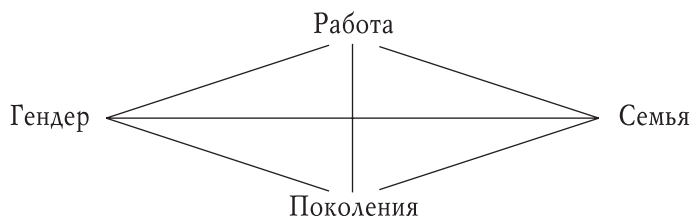
Именно с этой зависимостью социализма и его продукта – социального государства – от кибернетической модели общества и централизованного администрирования и связано прогрессирующее ослабление социалистической программы. Дело не в малой эффективности администрирования экономики, как это пытается представить неолиберализм, а в том, что такое администрирование невозможно в последние десятилетия ввиду становления рефлексивной современности. Структурные изменения пространства и времени приводят к тому, что следствия предпринимаемых действий становятся непредсказуемыми – как в результате неограниченного количества вовлечённых акторов, так и того, что задачи и условия действий являются беспрецедентными. Риски в последние десятилетия из внешних становятся внутренними, то есть определяются не внешними факторами, но самим функционированием социальных систем. Именно в этом смысле стоит говорить об «изготовленных рисках» (*manufactured risks*). Это и объясняет, почему социалисты в современных условиях становятся консерваторами, а неолибералы – радикалами: первые желают возвращения простой модернизации, вторые же стремятся использовать следствия рефлексивной модернизации для легитимации собственной программы.

Чтобы более точно схватить суть требуемого сегодня радикализма, следует обратиться к таким понятиям, как позитивное благосостояние (*positive welfare*), политика жизни (*life politics*) и генеративная политика (*generative politics*). Идея позитивного благосостояния означает отказ от понимания благополучия исключительно в экономических терминах, от того, что может быть определено как «продуктивизм». Богатство само по себе не обеспечивает того, чтобы человек был удовлетворён собственной жизнью. Необходимо измерение «самоактуализации, реализации себя». Обеспечение возможностей для этого и является задачей программы позитивного благосостояния. Причём роль государства здесь значительно ослабляется, поскольку процесс возникновения таких возможностей давно вышел из-под его контроля. Содержательно такая программа проясняется в понятии политики жизни, которую следует понимать как политику образа жизни. Современное состояние мира благоприятствует этому проекту, поскольку даже самость становится рефлексивным проектом.

Процесс детрадиционализации и «исчезновения природы» затрагивает многообразные стороны жизни общества и человека – от сексуальности до выбора профессии, от этнических идентификаций до организации собственного времени. Именно поэтому следует защищать саму возможность выбора различных проектов (что и составляет суть политики жизни) от фундаментализма всех версий – как

религиозного (агрессивные версии исламизма и католицизма), так и неолиберального.

Генеративная политика представляет собой программу действий, направленную на распространение идей позитивного благосостояния и политики жизни. Она может быть рассмотрена в приложении к четырём измерениям социальной жизни, постепенно выходящих из-под власти «продуктивизма» (с. 169):

Генеративная политика стремится сделать эти сферы источником новых возможностей для политики жизни, что означает увеличивающиеся гибкость профессиональной занятости и удельный вес активного доверия в организации семейной жизни, пересмотр смысла деления на поколения (в частности, новый смысл «пенсионного возраста», отличный от такового в социальном государстве) и рефлексивное выстраивание женской и мужской идентичностей.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на кажущуюся утопичность, реальное значение проекта радикальной политики, предлагаемого Гидденсом, заключается в тщательном анализе современной ситуации и предложении действительно альтернативной точки зрения на возможность политики в новых условиях.

Влад Новицкий